

Евгения Кириченко, историк русской архитектуры, действительный член Российской Академии художеств

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Для меня главная традиция – традиция моей семьи, точнее, родни моей мамы, которая происходила из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Мама и ее братья и сестры – инородцы, которые получили образование сначала в дореволюционной России, а потом и в послереволюционной. Это – целая культура, и чем дальше, тем больше я удостоверяюсь в этом. Мой учитель Михаил Андреевич Ильин говорил, что старая гимназия давала больше образования, чем современный университет. Меня с русской культурой познакомила мама, которая всегда жалела, что революция не случилась тремя годами позже, – она успела бы окончить гимназию. Например, она отправила меня на концерт Вертинского, сказав, что это уйдет и больше не вернется. Она воспитала меня в любви к старому Петербургу. Маму как нацменку, хорошо учившуюся, отправили туда продолжать образование во 2-й медицинский институт.

- То есть вы отождествляете себя с широко понятой русской дореволюционной культурной традицией, которую восприняла и передала вам ваша мама.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Я как человек, занимающийся русской архитектурой, выделяю три вершины: 11-й – 12-й века, Домонгольская Русь, 16-й век – мои любимые Коломенское, Александрова слобода, а также рубеж 19-го и 20-го веков. Вообще свою научную карьеру я собиралась начинать с архитектуры рубежа 17-го – 18-го веков, но тогда, в 1955–1956 годах, разворачивалась борьба с украшательством. Я поступила в аспирантуру, а история русской архитектуры, вся, целиком, была отнесена в разряд украшательской. Полгода меня уговаривали заниматься советской архитектурой. Я наотрез отказалась, и тогда меня отправили к заведующему сектором советской архитектуры, которому я попыталась объяснить, что надо изучать предшественников, предтеч советской архитектуры, и предложила тему, связанную с дореволюционными доходными домами. Тема не прошла, но в конце концов я все-таки стала заниматься рубежом 19-го и 20-го веков.

- Вы отлично справились с препятствиями, потому что потом из аспирантской темы выросло множество ваших работ, связанных с серебряным веком, с новым русским стилем, с модерном...

Да, это сейчас признается, а всю свою сознательную жизнь я слышала одно и то же: жаль, что такой хороший человек занимается такой плохой, эклектичной архитектурой. Имелись в виду и вторая половина 19-го века, и серебряный век...

3. Как сказалоcь на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Я отношу себя к поколению шестидесятников, и нам казалось, что когда наступит свобода, все сразу образуется. Но еще Бердяев писал по отношению к после-революционной Франции, что послереволюционный период – это совершенно особое явление. Как человек, семья которого сильно пострадала в советское время, и как человек, у которого либо грозились рассыпать набор целых книг, либо изымали главы из коллективных трудов, – я, конечно, не могу не радоваться наступившему. Но то, что получилось, совершенно не отвечает эйфорическим ожиданиям конца 80-х. Несколько лет назад романтический период закончился.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом нового лидера?

Безусловно, и, кажется, это связано не с лидером, хотя возможно, что если бы пришел другой лидер, оттенки были бы иными. Просто период растерянности, который был в 90-х, прошел, люди в большинстве своем психологически приспособились. А люди, которые не могут приспособиться, бывали всегда. Вспоминаю, как мама не советовала мне идти на искусствоведение. Она говорила: если будут исторические катаклизмы, кому нужно будет твое искусствоведение. Но как ни странно, искусствоведы оказались сейчас больше востребованными, чем физики или чем художники. Поэтому мне грех жаловаться. Правда, я могла бы жить гораздо лучше, если бы не была связана очень тесно с большими проектами, осуществляемыми в бюджетных организациях. У меня не хватает времени делать лучше оплачиваемые работы, чтобы обеспечить себе материальную независимость.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры и нужна ли она?

По-моему нет, я не ощущаю ее. Это и хорошо и плохо. Хорошо, потому что нет идеологического диктата, когда от меня требовали в книге, посвященной архитектуре Москвы рубежа 19-го и 20-го веков, привести цитаты из Брежнева, а я

рыдала и говорила, что это невозможно. Но сегодня, когда я читаю, что низкая зарплата у нас – 4000 рублей, то раздражаюсь, потому что для меня это – довольно высокая зарплата. Я опять-таки совсем не жалеюсь на свою жизнь. Но это же неприлично, когда доктор наук получает втрое меньше, чем дворник. Не знаю, что здесь должно быть: опека государства, изменение отношения к интеллигенции. Раньше было по-одному обидно за державу, а теперь – по-другому.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Эти понятия существовали и будут всегда существовать. А насчет некрасовского «Белинского и Гоголя с базара понесут», – этого никогда не было, нет и не будет. Всегда будут люди, которым нужна попса. Может, надо повышать уровень попсы, – но она возникла не вчера. «Искусство для народа» имелось и до революции и было тогда очень востребованным. Так пошло дело со второй половины 19-го века, а сейчас мы пришли к тому соотношению, какое характерно для Италии, Испании, любой другой европейской страны в Новое время. Суть проблемы в том, что в России элитарная культура послепетровского времени являлась культурой европейской – в отличие от культуры традиционной православной, которая стала культурой народной. Академик Лихачев писал, что народной стала вся культура, которая осталась неевропеизированной. Европеизированная же культура в послепетровское время распространялась и вширь и вглубь. И теперь непрерывной народной традиции, связанной со средневековой культурой, уже не стало. В этом смысле мы пришли к общеевропейской ситуации.

- То есть ушла или почти ушла собственно народная культурная традиция, а та европеизированная культура, которая здесь насаждалась уже давно, поделилась на верхнюю и нижнюю ветви – как и во всем мире.

Просто мы привыкли к мифу о незамутненности народных истоков, по крайней мере на Севере России. На самом деле никакой китайской стены не существовало. Основа действительно была народной, но она начала рушиться с петровского времени, очень быстро пошел этот процесс с введением церковно-приходских школ и затем всеобщего начального образования. Несправедлив и миф, что низам до революции был закрыт путь наверх. Это неверно.

7. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Такое явление наблюдалось всегда, но «глобальное» было разным. Для Руси, когда она крестилась, формой глобализации было принятие определенной – но все

же тогда еще общехристианской – традиции. Вторая форма глобализации – петровская эпоха. Третья – промышленный переворот 19-го века, тоже общеевропейский процесс. Италия была родиной искусств для всей Европы, и для России тоже. Очередной этап глобализации – рубеж 19-го и 20-го веков. А сейчас глобализация приобретает наиболее наглядные формы в связи с новыми средствами коммуникации и новым уровнем информатизации жизни.

- Дает ли это качественно новое ощущение жизни?

Мне кажется, нет, раньше восхищались фельдьегерскими тройками, теперь спутниковой связью. Но все же я человек, сформировавшийся много лет назад, и для меня самыми важными оказались два фактора: семья, корни и Великая Отечественная война. Все, кто пережил войну, имеют особое мироощущение. Меня восхищают возможности компьютерных технологий, и я ими пользуюсь – но только как удобным инструментом. Мне кажется, что развитие железнодорожного транспорта для 19-го века было более радикальным новшеством, чем компьютерные технологии для нас – к ним мы оказались в большей степени подготовленными изобретением радио, кино, телевидения, нежели люди 19-го века – к появлению железных дорог. Для меня появление радио в моем доме – это было в самом раннем детстве – явилось событием бóльшим, чем появление у меня компьютера.

- А ощущение общей Европы или даже общего мира?

Думаю, что в Россию это придет еще не скоро. И опять же окажется палкой о двух концах. Поживем – увидим. Для малых наций, для национальных меньшинств, таких, как мои родные коми, глобализация – это фактор, вытесняющий их из мира. Ведь уничтожение американских индейцев тоже можно считать следствием глобализации. Англизация языков – еще одно печальное следствие, хотя уже после революции в России проводилась русификация языков малых народностей. Сейчас идет процесс стирания национальных особенностей. С одной стороны, хорошо – единая семья народов, но отчаянное сопротивление, скажем, ирландцев и басков – тоже важный симптом. Мне кажется, Россия никогда не будет полностью европейской страной, так же как, надеюсь, француз никогда не станет итальянцем, а итальянец – испанцем.

8. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Нет. Постоянное желание работать – это у меня семейное наследие.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Я далека от этих проблем. Во всяком случае, когда несколько лет назад наши государственные деятели подчеркивали свою принадлежность православной церкви, это меня сильно раздражало. И сейчас очень раздражает, когда люди, бывшие видными коммунистами, с таким же рвением демонстрируют свою приверженность к церкви. Я помню, что Савл превратился в Павла, но...

...столько превращений сразу не бывает...

Да, тут, может быть, сказываются особенности массового сознания: разрушенная старая идеология должна смениться новой, и, кажется, для многих обращение к церкви – это инстинктивный поиск якоря спасения. Наверное, и для государства тоже, потому что коммунистическая мораль, исходившая из морали классовой, ушла. Ну, и государству полезно активнее проповедовать основные моральные ценности.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Прошло слишком мало времени, чтобы судить об этом. Граница между государствами, даже исторически близкими, не является чисто формальной, это граница между двумя мирами. Границы между столетиями являются границами исторических периодов, хотя не обязательно рубеж точно совпадает с цифрой. Насколько глубок в настоящем случае рубеж и каковы будут последствия – не нам судить. Разве те, кто радовался февральской или октябрьской революции 1917 года, могли представить себе, что будет дальше? Все сеявшие бурю погибли от нее. Шестидесятники и люди, начинавшие перестройку, тоже не представляли себе последствий своих действий. Но что сейчас мы перешли какой-то рубеж – это очевидно.